

Не прошло и нескольких дней, как подарок от Цзян Ялань доставили в дом Е Юньчэна. На глазах у Чи Линсюя он распаковал его и увидел потрясающую картину с изображением подводной русалки. В повседневной жизни Е Юньчэн посещал немало выставок известных отечественных и зарубежных художников, и когда что-то приходилось ему по вкусу, он охотно выкупал это за баснословные деньги. В его гостиной висело немало ретро-полотен средневековых мастеров — коллекционирование было его страстью.

В сияющих, усыпанных звездами глазах Чи Линсюя зажглось чистое любопытство. Придвинувшись ближе, он с неподдельным интересом спросил:

— Император, чья это кисть? Кто это — рыба или человек? Линсю никогда прежде ничего подобного не видел.

— Это работа зарубежного художника, он изобразил русалку. Хотя существование таких созданий и было подтверждено, обычно их образ воплощают благодаря богатому человеческому воображению.

Русалка на полотне обладала изящными изгибами тела и грациозными движениями. Она свободно и беззаботно плыла в лазурно-бирюзовых водах, символизируя абсолютную волю и свободу. Е Юньчэн аккуратно завернул картину обратно — он собирался повесить её у себя в кабинете.

Чи Линсюй о чем-то задумался и вдруг произнес:

— Император, на самом деле Линсю тоже кое-что смыслит в живописи.

Е Юньчэн остановил движение рук:

— Ты тоже умеешь рисовать?

Чи Линсюй кивнул:

— Приемный отец обучал меня рисованию с самого детства, но позже, когда я попал во дворцы, почти не оставалось возможностей проявить этот талант... — Говоря это, Чи Линсюй выглядел слегка погрузневшим.

Е Юньчэн уловил нечто неуловимое и, не выдавая чувств, поинтересовался:

— Что такое? В те времена кто-то чинил тебе препятствия?

Чи Линсюй опустил взгляд и с горечью в голосе ответил:

— Нет, просто Линсю был бесполезен, винить некого.

Даже не услышав прямого ответа, Е Юньчэн примерно догадался, в чем дело. В игре его императрица в совершенстве владела поэзией и живописью, и он никак не ожидал, что скромный приемный сын тай Вучи, отправленный во дворец, окажется мастером кисти. Изначально Е Юньчэн задумывал помочь Чи Линсю блеснуть на одном из банкетных пиров, чтобы тот без утайки продемонстрировал свой художественный дар и произвел фурор. Однако влияние семьи Чи тогда было слабым, а положение Чи Линсю в качестве юноши при дворе вызывало немало пересудов. Накануне вечером, когда он уже приготовил в дар Императору шкуру зеленой лисицы, императрица тайком приказала её уничтожить. Нрав у Чи Линсю был крутой, и после того удара он больше никогда не брал в руки кисть.

Хотя все эти игровые настройки проносились мимо в виде мимолетных текстовых описаний, и многое Е Юньчэн уже с трудом помнил, в гареме кипели нешуточные страсти, и причина, по которой Чи Линсю забросил живопись, несомненно, была с ними связана...

Выслушав его, Е Юньчэн мягко произнес:

— Здесь ты можешь свободно раскрывать свой талант художника, никто тебе не помешает.

Глаза Чи Линсю ярко заблестели:

— Правда?

— Да.

То, что Чи Линсю любит рисовать — тоже неплохо. Он еще молод, и если у него действительно есть склонности к этому делу, при должном развитии из него вполне может выйти толк.

С того дня, как Тетушка Линь случайно застала обнимающихся Чи Линсю и Е Юньчэна, её взгляд на них переменился, а сама она то и дело старалась держаться в стороне. Если бы не щедрое вознаграждение от Е Юньчэна, Тетушка Линь ни за что не осталась бы в этом доме, где нарушаются все принятые нормы.

Днем, пока Е Юньчэна не было дома, Чи Линсю продолжал занятия с Тетушкой Линь. Он с трудом запоминал пиньинь и вдруг заметил, что Тетушка Линь сидит рядом и пристально смотрит на него.

— Тетушка Линь, почему вы всё время на меня смотрите? — выговаривая это, Чи Линсю делал вид, что ему всё нипочем, хотя в душе отчаянно робел.

Тетушка Линь на мгновение растерялась, видимо, не ожидая столь прямого вопроса, а затем

неловко улыбнулась:

— Сяо Чи, я тут из праздного любопытства спрошу... Вы с господином Е действительно... в таких отношениях?

Пожилые люди обычно питали особую слабость к сплетням, особенно когда речь шла о богатых и влиятельных семьях.

Поразмыслив, Чи Линсуй решил ответить честно:

— На самом деле, это я... с односторонней страстью люблю брата.

Тетушка Линь наконец тяжело вздохнула:

— Сяо Чи, ты еще совсем мал и не понимаешь разницы до конца. Когда подрастешь, начнешь работать, то поймешь, что вокруг полно парней намного лучше и достойнее твоего брата.

Чи Линсуй слегка растерялся: неужели такие действительно существуют?

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет, я люблю только брата.

— Но... то, как вы с братом себя ведете, неправильно. Это же кровосмешение, — назидательным тоном произнесла Тетушка Линь. В конце концов, в прошлом она была народным учителем, и её сердце просто не могло смириться с мыслью не выправить этот искривленный побег.

Чи Линсуй смутился:

— Тетушка Линь, вообще-то он мне не двоюродный брат...

— А? Тогда... господин Е тебя... содержит? — Тетушка Линь едва не произнесла вслух словосочетание «взять на содержание». — Сяо Чи, у тебя вся жизнь впереди, почему ты хочешь оставаться здесь?

Чи Линсуй кивнул, и его глаза внезапно покраснели:

— Потому что он человек огромной власти... Я не могу от него уйти...

— ... — После услышанного Тетушка Линь всё полностью поняла. У Е Юньчэна были огромные связи и состояние, так что ему ничего не стоило посадить человека под домашний арест. Но добиться своего и при этом не дорожить им, напротив, постоянно избегая — это что вообще такое?

— Тетушка Линь, раз уж мы сегодня так откровенно поговорили, я очень надеюсь, что вы сохраните это в тайне, — шмыгнув носом, он соорудил жалобное личико.

В Тетушке Линь тотчас проснулся материнский инстинкт, сменившийся жгучей жалостью:

— Дитя мое, да ты же влюбился в настоящего мерзавца.

Вернувшись домой в тот вечер, Е Юньчэн сразу почувствовал какую-то странную атмосферу. Тетушка Линь смотрела на него так, будто хотела что-то сказать, но останавливала себя. За ужином он заметил, что Тетушка Линь и Чи Линсюй общаются гораздо оживленнее, чем обычно.

— Сяо Чи, ты такой худенький, поешь еще вот этого, набрал бы вес.

Тетушка Линь наложила в чашу Чи Линсюя целую гору еды, и Е Юньчэну это показалось диким — прежде Тетушка Линь никогда не проявляла к нему такой заботы.

Чи Линсюй сидел с опущенной головой, послушный и тихий, на каждый жест отвечая Тетушке Линь благодарностью.

Е Юньчэн невзначай бросил взгляд на Тетушку Линь и с удивлением заметил, что та активно строит ему глазки:

— Ой, наш Сяо Чи весь день так уставал, только сейчас поел! Господин Е, скажите ведь?

Выражение лица Е Юньчэна стало озадаченным: неужели Тетушка Линь перепутала, кто здесь кто? Разве не он сам пахал весь день?

Однако еда в тарелке Чи Линсюя всё прибывала и прибывала.

Движение палочек Е Юньчэна, направленных к собственной мишени, замерло — со стороны казалось, будто лишним за столом был именно он.

— Линсю, ты сегодня сильно устал на занятиях? — Неужели задачи оказались настолько сложными, что заслужили стольких хлопот со стороны Тетушки Линь?

Чи Линсюй покачал головой:

— Вовсе нет, довольно просто.

Но Тетушка Линь только утяжелила голос:

— Как же не устал? Линсю ведь всего восемь лет... Эх, господин Е, не в обиду будь сказано, как у вас сердце лежит целыми днями держать такого кроху взаперти одного дома?

Но ведь есть же вы! Е Юньчэн недоумевал:

— Тетушка Линь, в чем дело? У вас есть что мне сказать?

Заметив, что Е Юньчэн по-прежнему глух к намекам, Тетушка Линь тяжело вздохнула:

— Ладно, ешь лучше давай!

Поздним вечером Е Юньчэн втащил Чи Линсюя в спальню, крепко обхватил его за белое нежное запястье, прижал к закрытой двери и спросил:

— Ты что-то наговорил Тетушке Линь?

<http://bllate.org/book/21922/2277591>